

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

РАЗВЕДЧИК ОТ БОГА

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

Окопная правда Победы

Александр Карпов
Разведчик от бога

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпов А. Н.

Разведчик от бога / А. Н. Карпов — «Эксмо», 2020 — (Окопная правда Победы)

ISBN 978-5-04-109810-0

Атака захлебнулась. Немцы встретили пехотные цепи красноармейцев шквальным пулеметным огнем. Новобранец Егор Щукин выжил чудом – его завалило телами погибших товарищей. С наступлением темноты, раненный, он все же сумел вернуться к своим. Позже, в госпитале, его еще долго мучил пережитый кошмар первого боя... Там же, на больничной койке, он познакомился с опытным разведчиком Николаем. Тот подсказал молодому пехотинцу, что ему самое место в разведке. Только там можно стать настоящим героем. После недолгих раздумий Егор решился на этот шаг, перевернувший всю его дальнейшую солдатскую судьбу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109810-0

© Карпов А. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Карпов Разведчик от бога

Глава 1

– А ну посторонись, посторонись! Дорогу, дорогу! – громким хриплым басом кричал скачущий вдоль солдатской пешей колонны всадник. – Дорогу давай!

Одетый в мохнатую шапку, в светлый полушубок, опоясанный ремнями и портупеей, сидя на высоком жеребце, он галопом пронесся по занесенной снегом обочине дороги. За ним следовали еще двое, тоже верхом на громко сопящих и выдыхающих огромные клубы пара лошадях. Один в таком же полушубке, в ремнях. Другой – в шинели, с карабином за спиной. Обогнав идущую в две шеренги маршевую роту, они скрылись в пелене метели.

– Ему хорошо, он на коне, – занудно пробурчал один из солдат, закрывая раскрасневшееся от мороза лицо суконной рукавицей.

– Что ж хорошего? Отвечать за всех, приказ выполнять, – ответил первому второй, уклоняя лицо от ветра.

– Он – командир, у него забот побольше ваших! Подтяни-ись! – громко закричал низким голосом идущий во главе колонны высокий широкоплечий сержант.

Сгорбившись от тяжести вещмешков, патронных и гранатных ящиков, противотанковых ружей, винтовок, массивных стволов и станков пулеметов, солдаты шли в неизвестном им направлении. Подгоняемые ветром и липким снегом, который таял от прикосновения к их горящим от напряженных тел шинелям, они растянулись на целый километр. Длинной серозеленой змеей солдатская масса покоряла снежную целину. Кто-то падал, но тут же вставал. Кому-то помогали встать. Но, несмотря ни на что, вся колонна держала темп, никого не теряя, продолжала двигаться туда, где только что скрылись в складках местности проскакавшие мимо всадники.

Запряженные в повозки и сани лошади, следовавшие в конце, иногда сходили с протоптанной дороги и вязли в глубоком снегу. Ездовые кричали на измотанных усталостью, выбившихся из сил лошадей, били их плетью. Бывшие недавно деревенскими мужиками солдаты отборным матом крыли горе-погонщиков, сами брали под уздцы лошадок. Другие упирались в остовы саней. И все разом вытаскивали завязшую упряжку на дорогу.

Колонна выравнивалась и снова растягивалась.

– Часов шесть уже топаям! Сил никаких не осталось! – гнусавил один из солдат.

– Все тело ноет! Мокрый весь от пота, плеч уже не чувствую! – стонал второй.

– Да уйметесь вы! Подтяни-ись! – снова громко кричал высокий сержант.

Серая людская масса, выпуская клубы горячего легочного пара, кряхтя, огибала очередной пригорок.

– Скорей бы привал! – тихо, чтобы не слышно было сержанту, произнес коренастый круглолицый солдат, с трудом переставлявший короткие кривые ноги, обутые в громадные, не по росту, валенки.

– Потерпи еще немного, – успокаивал его Егор. – Вон впереди наши командиры уже на каком-то пригорке стоят. Спешились. С ними рядом еще какие-то начальники. На нашу колонну смотрят. Планшеты развернули. Значит, не просто так еще два командира с ними рядом. Скоро придем!

Коренастый одернул руку, в которой сжимал ляжку патронного ящика, повернулся в сторону Егора и тут же споткнулся. Упал на одно колено и так же быстро поднялся.

– Давай руки поменяем. Левая затекла. Так и ящик этот проклятый уронить недолго, – закричал он.

Егор быстро, не сбавляя хода, стал перехватывать ношу из правой руки в левую, вставая по правую сторону движения.

– Фу! – выдохнул коренастый и снова повернулся, пытаясь посмотреть на товарища.

Метель понемногу стихала, ветер успокаивался. Начинало светать. Затянутое серыми плотными облаками небо, слабо пропускавшими солнечный свет, абсолютно не проглядывалось, а потому давило на измученных тяжелым затяжным маршем людей. Солдаты то и дело поднимали лица и начинали смотреть вперед, вместо того чтобы, почти полностью сжав веки и опустив головы, терпеть колкие удары крупных снежинок по щекам.

Голова ротной колонны стал плавно поворачивать, огибая редкий лес, в направлении между двумя поросшими высокими березами возвышенностями, направляясь в глубокий и широкий овраг.

На правой возвышенности их встречали пятеро в командирской амуниции, с биноклями на груди, планшетами на ремнях через плечо. За ними стояли вооруженные коноводы, державшие под уздцы длинноногих жеребцов. Командиры внимательно осматривали прибывающую пешую колонну, живо что-то обсуждали и, активно жестикулируя, указывали друг другу на отдельные ее части.

– Ну наконец-то! Похоже, прибыли! – выдохнул коренастый, выпрямляя согнутую спину. – Смотри, как тут все обустроено.

Егор, следовавший с ним почти во главе колонны, устало поднял голову, чтобы разглядеть появившийся перед ними новый вид.

По мере их приближения стали видны люди в военной форме, с оружием. Ездовые выводили под уздцы из оврага исхудавших лошадей, запряженных в груженные сани. Солдаты в ватниках переносили громоздкие ящики из одного укрытия, сделанного на склоне оврага, в другое. Дымилась полевая кухня. Чуть дальше горела пара костров, возле которых на растянутых между деревьями веревках сушились длинные лоскуты, похожие на бинты.

Почти пологие стены оврага были изрыты входами в землянки, умело обустроенными в данных условиях местности. Строительство некоторых еще велось, о чем говорило активное движение нескольких десятков солдат, работавших пилами и топорами. Многие из них были без верхней одежды. Рядом со строителями образовывалась кладка из заготовленных бревен. Одно из них, самое крупное, солдаты вчетвером несли на плечах к очередной, почти достроенной, землянке.

– Посторонись! – громко прокричал низким голосом сержант, следовавший во главе колонны.

Строители тут же выпрямили спины, прекратив на время свою работу, и расступились, пропуская вновь прибывших.

– Откуда вы, братцы? – спросил один из них.

– Из тыла. С запасного полка, – послышался ответ, резко прерванный громкоголосым сержантом:

– Разговорчики!

Егор перестал чувствовать накопившуюся за время марша усталость. Он с любопытством оглядывал земляной городок и его обитателей, пытаясь душой ощутить новую фронтную жизнь, совсем недавно принявшую его к себе, в свои суровые, могучие, пахнущие порохом объятия. Он с наслаждением вдыхал дым костров, улавливая новые, еще не знакомые ему запахи войны.

Где-то позади колонны послышалась словесная перепалка вновь прибывающих со «старожилами», закончившаяся общим дружным смехом. Кто-то из командиров навел порядок в строю.

Егор осматривал очередную попавшуюся ему на глаза землянку, вход в которую закрывало суконное полотно. Перед ней на натянутых веревках сохли в дыму костра стиранные бинты.

Из-под занавески выглянула немолодая женщина, голова ее была повязана белым платком. Она крикнула что-то пожилому солдату, возившемуся рядом с запряженными санями. Тот кивнул в ответ и снял висевшее над костром ведро. Стоящие рядом сани были чем-то

нагружены и накрыты грязной мешковиной. Пожилой солдат уже было направился с ведром в сторону землянки, из которой его позвала женщина в платке, но, увидев приближающуюся колонну, быстро поставил ведро на землю и подбежал к саням. Он стал спешно поправлять мешковину, которая, как назло, стала сползать с другой стороны, обнажая зловещую картину скорбного груза.

Низенькие крестьянские сани были нагружены частями человеческих конечностей, ампутированных у тяжелораненых в полевом медицинском пункте, мимо которого двигалась сейчас маршевая рота.

Егор почувствовал подступивший к горлу ком. Ему стало не по себе. Он быстро отвернулся, пытаясь отвести взгляд от ужасного содержимого саней. Позади себя он услышал тихий протяжный стон одного из товарищей.

– Видал? – спросил он кого-то рядом.

– Приехали, называется! – послышалось в ответ.

Начавшийся было разговор прервал громкий женский крик:

– Ты что, старый, не мог свою поклажу раньше вывезти!

Егор помотал головой и стал смотреть под ноги, стараясь больше ничего не замечать. Сделав несколько шагов, он услышал совсем рядом:

– А, пушечное мясо прибыло. Пополнение!

Он повернулся на голос и увидел двух сидевших на бревне солдат с перебинтованными руками. Они, не обращая внимания на Егора, смотрели на всю колонну целиком. Раненые курили самокрутки и щурились от едкого табачного дыма.

Позади них виднелась еще одна землянка, видимо, являвшаяся частью полевого санитарного пункта. Врытые в землю постройки тоже использовались в медицинских целях, о чем свидетельствовали вывешенные на просушку гирлянды стиранных бинтов, кипящие на огне ведра с водой, протоптанные в плотном снегу тропинки, соединявшие входы в землянки. Вокруг сновали молодые девушки в военной форме. Многие из них были опоясаны брезентовыми или матерчатыми фартуками, заметно испачканными засохшей кровью.

Егор не совсем так представлял себе передовую и ближний тыл. Совсем не вписывалось в его представление наличие крови, грязи, груды ампутированных конечностей и слова о прибытии «пушечного мяса». И хоть стращали молодых солдат в запасном полку уже повоевавшие сержанты, но молодой восемнадцатилетний мозг упорно отказывался воспринимать словесные страшилки о войне. Перед глазами стояли только подвиги и стремительные кавалерийские атаки, поддерживаемые натиском матушки-пехоты.

Послышавшийся впереди шум отвлек Егора от тяжелых мыслей. Он поднял голову и увидел спускающихся в овраг раскрасневшихся солдат в распахнутых телогрейках с лопатами и кирками в руках. При виде пополнения они прекратили разговоры и остановились. Один из них, видимо пришедший последним, обошел своих товарищей и вышел вперед. На нем была лихо сдвинутая на затылок кубанка. За пояс был заткнут топор. В одной руке он держал лопату, в другой толстый моток веревки. В губах солдат перекачивал потухшую самокрутку. Он ухмыльнулся, хитро щуясь, быстрым взглядом окинул солдат в колонне и громко, так, чтобы всем было слышно, сказал:

– Не успели вчерашних похоронить, а нам уже новых прислали! Теперь этих закапывать будем!

Шедший во главе колонны широкоплечий сержант повернулся и быстро направился в сторону солдата с лопатой. Всем стало ясно, что лихому говоруну сейчас может крепко достаться от здоровяка-командира, который, как было видно, уже сжимал кулак.

– Товарищ сержант! – послышался голос командира роты. – Встаньте в строй!

Сержант с досадой посмотрел в сторону своего начальника и вернулся в начало колонны, которая стала сворачивать в сторону, следуя по дну оврага, сливавшегося с другим, менее широким, лесным оврагом.

Егор успел уловить взглядом, как при виде богатыря-сержанта говорун попятился назад и, споткнувшись о ком земли, упал на пятую точку, выронив из рук инструменты. Потухшая самокрутка выпала изо рта.

– Похоронная команда, – послышалось в колонне.

– По нашу душу объявились.

– Разговорчики в строю! – навел дисциплину громкоголосый сержант.

Егор стал разглядывать соединение двух оврагов, заселенное менее плотно, чем тот, по которому они только что прошли. Во втором овраге землянок уже не было. Крутые стенки местами были изрыты. В образовавшихся проемах просматривались укрытые брезентом или мешковиной угловатые конструкции, в которых угадывались сложенные штабелями ящики.

– Колонна, стой! – громко крикнули впереди.

Егор и его коренастый напарник машинально поставили на землю уже изрядно подна-доевший за время марша патронный ящик. Так же поступили и остальные, опуская под ноги поклажу и пытаясь размять затекшие спины и плечи.

– Товарищи бойцы! – послышался впереди тот же голос, что остановил движение. – Ящики с патронами заносите под навес справа по ходу движения. Ящики с гранатами – налево. С бутылками с зажигательной смесью – вперед, вправо, возле шеста.

Высокий сержант вышел в сторону так, чтобы в колонне его все видели. Он осмотрел первый взвод и громко прокричал:

– Что встали? Вперед, шагом марш! Кто с патронами – направо, с гранатами – налево! Выполнять!

Егор и коренастый солдат нехотя наклонились за своим ящиком. Взяли его за ляжки, с трудом подняли и, устало переставляя ноги, двинулись в направлении, указанном сержантом.

– Ставь сюда, ребята, – тихо произнес не замеченный до этого старшина в длиннополой шинели, указывая рукой место для поклажи.

– Ну наконец-то! – вымолвил коренастый, отводя назад плечи и поправляя ремень винтовки.

– Прямо проходите. Не нарушать строй! – снова загремел голос сержанта. – Не задерживаться!

Егор с напарником зашагали дальше по дну оврага, следуя указаниям старшего. Эти шаги, несмотря на отсутствие груза в руках, все равно давались тяжело. Затяжной марш, отягощенный тыловым недоеданием, делал свое дело. Солдаты еле стояли на ногах. Почти все сняли рукавицы и осматривали мозоли на ладонях, образованные ляжками от тяжелых ящиков. Многие потирали плечи, изображая болезненные гримасы на лице.

Егор, чтобы как-то отвлечься, поднял голову и стал смотреть в просвет неба между высокими деревьями. Невольно он стал ловить себя на мысли, что уже давно не видел солнца, небо длительное время было затянуто густыми, темными, плотными облаками. Вид мрачного хмурого неба отягощал общую картину дня, половина которого, еще из темноты февральского утра, была проведена в тяжелом пешем марше к передовой.

– Ничего, весна вот-вот! – сказал стоявший рядом с ним коренастый, тоже смотревший в просвет между деревьями.

Мимо солдат быстро, почти бегом, проскочил сержант в направлении движения и, встав во главе колонны, громко скомандовал:

– Вперед, шагом марш!

Солдаты с трудом двинулись дальше, еле переставляя обутые в валенки измученные ноги. Позади все еще слышалась суета выгружаемой поклажи. Колонна снова остановилась.

Егор выглянул из-за плеч впереди стоявших солдат. Ему стало видно, как сержант, вытянувшись по стойке «смирно», докладывал кому-то.

– Что там? – спросили его сзади.

– Да пока непонятно, – ответил Егор. – Похоже, наш сержант представляется новому начальству.

– Значит, прибыли на место, – подтвердили сзади.

– Скорее бы курить разрешили, мочи нет, – послышалось рядом.

– И пожрать!

– Ага, и поспать! – вставил свое коренастый.

Тем временем сержант встал вполборота к колонне, прокричал:

– Первый взвод, за мной, шагом марш!

Он резко повернулся и зашагал в направлении тропы, уходившей по дну оврага вправо, в узкий земляной проем, начинавший петлять и подниматься ступенями наверх.

Егор шагнул вперед, оставляя позади себя коренастого, и направился по проему за идущими впереди бойцами своего взвода.

– Шукин, что, больше всех воевать захотелось? – заворчал сзади солдат, адресуя свое шутовское возмущение идущему впереди Егору.

– А он и в запасном полку вперед всегда лез! – кто-то подхватил шутку коренастого.

– Шукин такой. Ему больше всех всегда надо! – поддержал еще кто-то в строю.

Солдаты вереницей, один за другим, шли по траншее, то останавливаясь, то снова ускорясь и опять останавливаясь, утыкаясь в спины друг другу.

– Снять штыки! – прозвучало впереди.

– Снять штыки! – повторил команду Егор, передавая ее по цепи, немного повернув голову назад.

– Снять штыки! – послышалось многократно сзади.

– Чем штыки-то помешали? Винтовки с ними пристреливали, – возмутился коренастый.

– Траншея неглубокая. Зимой глубже не вырыть. Грунт мерзлый, – ответил кто-то впереди, скрывавшийся в первой стрелковой ячейке. – Штыки демаскируют. Фрицы видят, как мы тут перемещаемся.

Солдаты почти одновременно стали снимать с плеч винтовки и скручивать с них штыки.

– Значит, пришли, – заключил Егор, повернувшись к коренастому. – Передовая здесь!

– Без тебя знаю, что пришли, – раздраженно ответил тот.

– Да, похоронная команда тоже обрадовалась! – сказал солдат, стоявший за коренастым.

Егор сжал от досады губы. Ему было противно слышать подавленное настроение не желавших воевать товарищей. Он негодовал внутри себя из-за того, что есть в его взводе такое, и старался в душе быть ближе к тем, кого считал себе родным по духу. Именно с ними он хотел бы по приказу командира подняться в атаку и пойти навстречу затаившемуся впереди врагу.

Мысли его прервал неожиданно двинувшийся вперед только что стоявший впереди солдат. Егор закинул за спину винтовку и двинулся следом за ним. Несколько сотен метров они шли по петляющей траншее, периодически останавливаясь и снова двигаясь вперед. Перед ними мелькали расположенные слева стрелковые ячейки. Справа, как правило, были ответвления траншеи в сторону тыла или появлялись проемы, служившие входами в землянки.

– Пригнуться! – передали по цепи.

Бойцы ступили в отрезок траншеи, стенки которого были почти в половину ниже, чем до этого. Наконец мелкий участок кончился и появилась возможность идти опять в полный рост.

– Снайпера работают! – пояснил появившийся в ближайшей ячейке небритый солдат с очень худым лицом.

– Ага! До фрицевской траншеи метров восемьсот. Ветер боковой. Это каким снайпером надо быть, чтобы точно работать, – прозвучал голос невидимого из соседней ячейки солдата.

– Ветер стих! И снег перестал идти! – громко пояснил невидимому бойцу небритый. Потом повернулся к Егору и спросил: – Откуда вы, мужики?

– Из восемнадцатого запасного.

– И долго вас там продержали? – снова спросил худой, доставая из кармана ватника большой грязный кисет.

– Полтора месяца голодом морили и гоняли с утра до вечера! – влез в начинавшийся разговор коренастый.

Солдатская вереница вновь двинулась вперед по траншее. Потом стала сворачивать вправо и через некоторое время вышла в небольшой овраг, стенки которого также были изрыты входами в землянки.

– В одну шеренгу становись! – прокричал сержант, отойдя в сторону и повернувшись к солдатам.

Пробежав еще немного по дну оврага, Егор ткнул плечом в идущего впереди и остановился, повернувшись лицом к командиру. Так же сделали все остальные. Немного помявшись, солдаты подровнялись в строю, одновременно поправляя на себе ремни, амуницию, ляжки вещмешков, винтовки. Сержант обвел взглядом строй, прошел вдоль шеренги, быстро и въедливо осмотрев каждого. У некоторых он своими руками поправил что-то из обмундирования. Потом отпрянул, выпрямился, демонстрируя выправку, сделал суровое лицо и громко прокричал:

– Равняйся!

Он снова обводил взглядом солдатскую шеренгу, когда из землянки за его спиной вышел, на ходу поправляя шапку, немолодой невысокий мужчина в солдатской шинели и валенках. В петлицах на воротнике проглядывались комсоставские кубари. Усталое небритое лицо, красные от недосыпа глаза, потрескавшиеся обветренные губы, грязная шинель и такие же грязные валенки. Егору стало сразу понятно по внешнему виду появившегося, что тот является здешним старожилом и в этих траншеях и землянках находится уже длительное время. Несмотря на измученный вид и непривлекательный облик, новый начальник обладал суровым начальствующим взглядом. Он из-под густых черных бровей осмотрел шеренгу, потом встал возле сержанта, лицом к солдатам.

Из соседней землянки вышел еще один обладатель кубарей, одетый в грязный, опоясанный ремнем и портупеей полушубок. На ногах его были хромовые сапоги, на голове каска, надетая на подшлемник. Он был моложе, чем первый, выше ростом, но имел такой же усталый вид. Окинув взглядом строй, он встал чуть в стороне от первого командира.

– Смирно! – скомандовал сержант и, повернувшись к вышедшим из землянок начальникам, доложил о прибытии своего подразделения, как того требовал суровый армейский порядок.

После обмена уставными приветствиями, первый командир сделал два шага вперед и, сложив за спиной руки, обратился к солдатам хриплым простуженным голосом, кашляя после каждой произнесенной фразы:

– Товарищи красноармейцы! Вы прибыли на передний край для смены подразделений, которые будут отведены в ближайший тыл для отдыха. – Он сделал паузу, откашлялся, прижимая сжатый кулак к губам, потом продолжил: – Сегодня вам предстоит атаковать передний край обороны противника, расположенного возле деревни Шашкино. Вы должны будете стремительным и решительным броском с боем выбить ненавистного врага из занятых им позиций и, преследуя его, отогнать и уничтожить. Затем так же, с боем, ворваться в занятую противником деревню и освободить ее от фашистских захватчиков.

Он посмотрел на солдат, ловя на себе пытливые взгляды. Как опытный командир, он понимал по их глазам, что в каждом из подчиненных есть осознанное восприятие момента. Потом снова откашлялся и сделал два шага назад, уступив место следующему оратору. Вперед

вышел второй командир и, глядя куда-то в ноги солдат, произнес похожую речь, завершив ее словами:

– Коммунисты и комсомольцы, шаг вперед!

Весь солдатский строй шагнул вперед, глядя на выступавшего, который, повернувшись к сержанту, скомандовал:

– Нале-во! На боевые позиции шаго-ом марш!

Егор, сосредоточенно и внимательно выслушав выступление обоих воинских начальников, обратил внимание на то, что ни один из них не смотрел в глаза людям из прибывшего пополнения. Ни один из них не представился: не назвал свое воинское звание, должность, имя, фамилию. Все это врезалось в сознание бойца, привыкшего в запасном полку к другому отношению. Это показалось Егору больше странным, чем необычным. Он почувствовал себя временщиком в своем положении. Тяжело вздохнув, он зашагал по новой извилистой траншее вслед за идущими впереди бойцами.

– Шашкино! – услышал он за спиной голос коренастого. – Шукин, слышал? Мы от дома совсем не далеко! А я думал, куда это мы идем?

Только сейчас Егор понял, что действительно находится всего в десятке километров от своей родной деревни. Это немного его успокоило, но в то же время ввергло в тягостные думы о сожженном еще в декабре родительском доме. Том самом доме, в котором он провел все свое детство и жил до самого отъезда на учебу в техникум. Том самом доме, который своими руками строил его отец, где росли вместе с ним его братья и сестры.

Егор вдруг вспомнил о старшем брате, о судьбе которого не знал с начала войны. Еще в июле прошлого года они почти одновременно приехали к родителям: младший – из Ивановского техникума, старший – с Донбасса, где жил уже давно, где завел семью, воспитывал сына. У брата на руках уже была повестка из военкомата. И чтобы не оставлять жену одну с маленьким ребенком, он привез ее к родителям, решив, что здесь им будет лучше, пока он будет воевать.

Егор вспомнил свой последний разговор с братом Петром. Они вечером сидели на крутом берегу маленькой извилистой и всегда холодной речки Снежедь. Рассказывали друг другу о своем житье-бытье, о повседневных заботах, об интересных случаях. Они не виделись с братом несколько лет и даже не переписывались все это время. Отсутствие писем объяснялось внезапным отъездом брата после конфликта с отцом из-за того, что тот в очередной раз бранил мать. На следующее утро, проснувшись, юный Егор увидел ее заплаканное лицо и узнал о случившемся. А свой новый адрес Петр так и не сообщил. Это было за несколько лет до начала войны. А тогда, в июле прошлого, сорок первого года, они, сидя на берегу реки, пытались предвидеть скорое окончание войны, скорую победу над врагом.

Единственное письмо от Петра семья получила где-то через месяц после его отъезда. Написано оно было, судя по штемпелю полевой почты, уже из действующей армии и было очень скудного содержания. Такие письма обычно пишут только для того, чтобы не заставлять родственников сильно волноваться. Мол, все со мной в порядке, живой, здоровый. Но вместе с письмом для матери пришло еще одно – для жены Петра. Текст его был большим, на несколько страниц, что вызвало у матери, простой и почти безграмотной деревенской женщины, неподдельную ревность к снохе.

Мысли Егора переключились на мать. Парню стало грустно. Он представил ее глаза, ее лицо. С таким лицом, плача и обнимая сына, она провожала его в армию. Из трех сыновей Егор был вторым, кому предстояло отправиться на фронт. Но вместо праздничного отъезда на службу, как это было в их деревне до войны, мать провожала сына наскоро и буднично, из чужого дома. Их собственный дом к тому времени был уже месяц как сожжен фашистами при отступлении. Их семье, как и многим односельчанам, удалось чудом вырваться из огненного ада.

Отец, мать, младший брат, жена старшего брата с маленьким племянником – все они вместе оставались в Теплом, на квартире у материных родственников. Жили в маленькой, тесной комнатухе. Егора немного успокаивало то, что отцу каким-то невероятным образом удалось уберечь их корову. Сначала он прятал ее в лесу, совсем близко от деревни. Смог уберечь ее и от дикого зверя. Потом спасал от войсковых индентантов, готовых забрать на нужды армии все съестные припасы. Потом – от пропитанных военными походами гитлеровцев. Потом от зверствующих полицаев, ставленников новой оккупационной власти. И даже бушевавшее возле деревни кровавое сражение, сопровождавшееся обстрелами, не коснулось их коровы. Как отцу удалось все это проделать на зависть другим односельчанам, Егору было непонятно.

Они покидали пепелище родной деревни, спешно убегали в лес, неся на руках лишь то, что смогли второпях выкинуть из горящего дома. В лесу нашли свою корову и с ней через несколько дней смогли перейти так называемую «линию фронта». Потом дойти до селения родственников. И все дни, проведенные в пути, Егор не находил себе места от мыслей о жестоком сожжении фашистами их деревни.

Ему вспоминались ночлеги в домах у случайных людей, которые сердечно и со скорбью принимали их у себя, как приходилось спать в лесу у костра, как плакала от переживаний за маленького сына жена Петра. Как младший брат Иван подговаривал Егора сбежать назад, в деревню, раскопать припрятанное оружие и попытаться попасть в Красную Армию.

– Что-то беспокойно у меня на душе, – вдруг сказал коренастый, – ты видел, как эти двое выступали. Первый, видимо, наш новый ротный. А второй – политрук. Как думаешь, почему они нам в глаза не смотрели? Все как-то скучно прошло.

– Я тоже это заметил, – ответил Егор.

Он едва успел договорить, как солдатская вереница остановилась в траншее. Впереди послышался громкий бас сержанта, выкрикивавшего фамилии бойцов и пробиравшегося сквозь земляную тесноту к хвосту колонны.

– Щукин, Козлов, – сержант дошел до Егора и коренастого, – вы сюда.

Он жестом указал на проем в правой стенке траншеи, являвшийся входом в стрелковый или пулеметный окоп. Бойцы вжались спинами в мерзлый грунт, пропуская мимо себя здоровяка-командира, который, едва протиснувшись мимо них, тут же начинал раздавать указания дальше и размещать остальных. Егор первым протиснулся в узкий проем, который вывел его в довольно широкий окоп.

– Пригнись только, боец, – услышал он и сразу разглядел сидящих в земляных нишах двух солдат.

Один был молодой, низенький, худой и сутулый. Второй поплотнее и постарше, с густыми рыжими усами. Они были одинаково одеты в ватные штаны и в ватные куртки, в высокие валенки, на головах каски на подшлемниках. В ногах у них стоял станковый пулемет «Максим» без щитка. Ниши в стенках окопа были заполнены коробками для пулеметных лент. Солдат постарше, казалось, совсем не обратил никакого внимания на Егора и коренастого. Молодой, напротив, живо стал расспрашивать новичков.

– Откуда, парни? Курить есть? Сами-то местные? – Глаза солдата сияли. Он стал подмигивать и потирать руки, ожидая угощения и новостей.

– На какой вопрос сначала ответить? – быстро отозвался Щукин, почти перебив шустрого пулеметчика.

– Да ладно тебе. Можешь вообще ничего не рассказывать, – ответил тот, уставившись на коренастого, который уже извлекал из кармана шинели матерчатый кисет и мятый лист газеты.

Пулеметчик постарше медленно повернулся в сторону прибывших, лениво осмотрел их и снова прислонился головой к земляной стенке окопа, закрыл глаза.

– У вас все с оружием? – хрипло спросил он.

– Да, – с удивлением ответил Егор. – А что?

Старший заерзал плечами, то ли от холода, то ли пытаясь поудобнее устроиться.

– Те, что до вас были, совсем без оружия пришли. Некоторые ночью выползали к немецким позициям. Там собирали что есть. Потом им подвезли. Но все равно на всех не хватило, – лениво проговорил он и снова заерзал плечами.

В окопе повисла тишина, которую прервал Егор:

– И что?

– Что, что? – ответил ему шустрый. – Так в атаку и пошли. Кто с винтовкой, кто с голыми руками.

– У раненых товарищей оружие забирали? – последовал вопрос Егора.

– Если успевали! – резко ответил ему старший и кивнул в сторону бруствера слева от себя. – Вон сам посмотри.

Шустрый завертелся на месте, внимательно глядя то на Егора, то на коренастого. Он как будто пытался получить удовольствие от того, что станет свидетелем первого взгляда молодых солдат из окопа. Первого взгляда тех, кто только что прибыл на передовую. Он открыл рот и, едва не высунул язык, ожидая увидеть их реакцию.

Щукин и Козлов машинально и почти одновременно медленно приподнялись на цыпочках, вытянув шеи. Встав в полный рост, Егор смог разглядеть видневшийся впереди участок поля, заканчивавшийся где-то далеко, перед полосой деревьев густого леса. Его взгляду предстало то, что здесь называлось полем боя. Но ничего ужасающего на нем Егор не увидел. Только заснеженные или черно-серо-грязные земляные бугорки. Этот вид ему напомнил вид обычной колхозной пашни, какой она бывает во время начала таяния снега. Только комья земли значительно крупнее, чем эти бугорки. Он повел взглядом из одной стороны в другую и только сейчас разглядел в одном из бугорков занесенное снегом тело в шинели. Из-под снега виднелся ботинок. В метре от него торчала почти белая кисть руки. Остальное Егор не разглядел. Его одернул и потянул вниз первый пулеметчик.

– Не торчи. Мало ли что, – сказал он.

– Ну как? – спросил шустрый, уставившись на Егора.

– Остынь, Мотя! – осек его старший. – Себя вспомни, когда сам первый раз так смотрел. Егор сел на свое место и опустил голову.

– Что там, Щукин? – услышал он нервный голос коренастого.

– Лучше сам посмотри, – предварительно выдохнув, ответил Егор.

Козлов засуетился на месте, но так и не нашел в себе смелости приподняться. Он несколько раз громко сделал вдох-выдох и только тогда привстал, выглядывая поверх бруствера. Спустя несколько секунд он вновь сел и обвел взглядом присутствующих.

– Ладно, успеете еще насмотреться, – заключил старший пулеметчик, протягивая руку к шустрому, чтобы забрать у него дымящуюся самокрутку.

В проеме окопа появился высокий молодой человек в комсоставском полушубке, туго опоясанном ремнями и портупеей, с кожаной командирской сумкой на поясе.

– Так! – Он посмотрел на пулеметчиков. – Собирайтесь. В тыл уходите. Сбор в том овраге, где березовая роща начинается. Там вас старшина ждать будет. И бегом, чтоб не задерживаться мне тут!

Старший и шустрый тут же подскочили на своих местах. Засуетились, пытаясь просунуть в проем тяжелое тело пулемета на станке.

– Ну, ребята, прощайте. Может, свидимся еще, – сказал один из них.

– Посторонись немного, – добавил второй, обращаясь к коренастому.

Как только они скрылись в траншее, в проеме вновь появился высокий в комсоставском полушубке. Только сейчас Егор увидел в его петлицах лейтенантские кубари. Он сразу встал, по-уставному приветствуя старшего по званию. Глядя на товарища, то же сделал и второй солдат.

– Я ваш ротный командир! Младший лейтенант Кочергин, – представился он. – А вы кто будете?

– Красноармеец Щукин! – выпалил Егор.

– Красноармеец Козлов! – произнес коренастый.

– Это с моего, с первого взвода, товарищ младший лейтенант! – послышался из траншеи голос сержанта.

Командир повернулся к взводному, потом посмотрел куда-то вдоль траншеи и сказал:

– Пойдемте, познакомьте меня с вашим взводом, товарищ сержант.

Они оба промелькнули в проеме окопа.

– Если это наш ротный был, то кто же те двое, что речь произносили? – спросил коренастый Егора.

Но тому было не до нового ротного. Он снова приподнялся и стал выглядывать из-за бруствера на поле перед их окопом. Теперь молодой солдат стал внимательнее и пристальнее вглядываться в пейзаж, начинавшийся примерно в трехстах метрах и представлявший собой скопление маленьких заснеженных холмиков, каждый из которых, при тщательном рассмотрении, оказывался окоченевшим мертвым телом. Только в своем секторе наблюдения Егор насчитал их несколько десятков.

Он медленно сполз на свое место. Закрыв глаза. Ему стало не по себе от той мысли, что во всех стрелковых ячейках, мимо которых ему довелось пройти, следуя километрами траншей, он видел только пулеметчиков, бронебойщиков, наблюдателей с артиллерийскими петлицами. Простых пехотинцев почти не было! Вернее, они были. Только большинство из них сейчас располагалось впереди, на поле, в виде заснеженных бесформенных холмиков. Другая часть была в землянках, оборудованных в почти пологих стенках большого извилистого оврага, по которому около часа назад прошла их маршевая рота. Назначение этих землянок было безошибочно угадано всеми идущими – в них находились раненые солдаты. Именно те, кому посчастливилось не остаться на нейтральной полосе между укрепленными позициями двух противоборствующих сторон. Там же поселились и те, чьи конечности были сложены на низеньких крестьянских санях, укрытых грязной мешковиной. В землянках, по всей видимости, еще какое-то время находились и те, кого передали потом похоронной команде.

Егор поставил в угол винтовку, наконец освободившись от ее, порядком надоевшей за время марша, тяжести. Он уткнулся затылком в стенку окопа, сложил на животе руки, закрыл глаза. В сознании проплывали картины октября прошлого года. Когда через их деревню, в сторону Мценска, шли подразделения красноармейцев, ехали повозки и машины. В обратном направлении часто везли раненых, от которых селяне узнавали последние новости, день ото дня становившиеся все тревожнее и тревожнее, пугающие своей неопределенностью. А когда фронт вплотную приблизился к деревне, целый день шел ожесточенный бой. Где-то вдали, совсем рядом, в каких-то трех-пяти километрах, тряслась от разрывов, стонала и выла земля.

Егор вспомнил, как однажды поздно вечером, накануне того боя, когда на улице шел сильный дождь, к ним в хату кто-то постучался. Отец пошел открыть дверь. Мать встала возле полатей, где спали они с братом, не давая им спуститься вниз. Из горницы, вслед за отцом, в хату вошел человек в каске и плащ-палатке. Весь мокрый и грязный, он представился, назвавшись командиром Красной Армии, лейтенантом по фамилии Стрижак. Он также назвал свое имя и отчество, но Егор никак не мог их вспомнить. Едва гость вошел в комнату, как сел на лавку, прислонившись спиной к бревенчатой стене, и заснул. С большим трудом матери удалось разбудить спящего командира, чтобы тот смог переодеться в сухую одежду. Из чулана она вынесла ему чистое отцовское белье и белые шерстяные носки. Мокрая форма и шинель были заботливо разложены на печи для просушки. Утром гость оделся во все сухое, позавтракал и, поблагодарив и попрощавшись, покинул их дом.

Чуть позже вдали разгорелся продолжительный жестокий бой. Вся семья Щукиных переждала его, сидя в погребе. Егор с братом Иваном несколько раз пытались покинуть укрытие, чтобы хотя бы немного посмотреть на происходящее. Но мать, с криком, со слезами и причитаниями, удерживала их. Иногда она призывала на помощь отца, который ночью сам выбрался из погреба для того, чтобы добраться до лесного схрона их единственной коровы. Когда все стихло, семья покинула свое убежище. Дома в деревне оказались удивительным образом не тронуты последствиями разрушительного боя. Лишь кое-где, на крайних участках виднелись воронки от шальных снарядов.

Потом через деревню хлынул поток немецких танков, бронемашин, тягачей с орудиями, автомобилями с пехотой. Смертоносная лавина прокатилась по улицам, дворам и постройкам. После нее не осталось никакой живности: ни одной курицы, ни одного поросенка. Забирали все подчистую: хлеб, картошку, яйца. В родной дом пришел новый порядок.

Через день Егору с Иваном удалось издали посмотреть на место сражения, где уже побывали их односельчане, пытаясь найти выживших. Ребята молча созерцали поле боя, стоя на краю леса. Насколько удалось охватить взором, была видна израненная воронками земля, разбитая техника, тела убитых. Скорбную картину дополняло хмурое октябрьское небо, густо затянутое тяжелыми тучами.

Не призванные в армию по возрасту мужики прошлись по домам, собрали сход. В сельсовете было принято решение самим похоронить погибших бойцов Красной Армии, собрать их документы.

Ужасная картина предстала взору деревенских парней. Три дня почти все взрослые жители деревни перетаскивали тела павших в братские могилы, выкопанные на месте крупных воронок от авиабомб. Егора тогда немало удивляло, что многие мертвецы на поле боя были раздеты. На ком не было верхней одежды, а кто был раздет до белья, а на некоторых не было даже и того. Именно тогда молодой человек столкнулся с доселе неведомым ему понятием – мародерство. «И откуда они только здесь взялись?» – услышал он тогда от одного из селян.

На третий день похоронной работы брата случайно, на краю леса, наткнулись на изуродованное тело, одна нога которого была без сапога. На ней был белый шерстяной носок. По этой примете ребята опознали своего ночного гостя. Лейтенанта Стрижака похоронили отдельно, там же, возле леса. А через два месяца, после освобождения своего района от захватчиков, собранные документы погибших бойцов Красной Армии были переданы командованию прибывшей воинской части.

Едва закончив тягостные работы по захоронению, жители деревни погрузились в молчание. Никто ни с кем не разговаривал. Все молча переживали общее людское горе. Оплакивали погибших. Ожидали дальнейших событий. Готовились к предстоящей зиме. Иногда в дома стучались выходившие из окружения красноармейцы. Их кормили, давали продукты и теплые вещи, помогали, чем могли.

Егор хорошо помнил, как колол дрова, когда через их деревню немцы вели длинную колонну пленных наших солдат. Грязных, небритых, раненых, обгоревших, хромых. Деревенские женщины тайком подавали им куски хлеба, давали напиток, причитали и плакали, глядя на страдания и помня недавние многодневные похороны в братских могилах.

Егор тогда не обратил внимания, что сам был одет в галифе и солдатскую телогрейку, когда-то подаренную двоюродным братом, еще до войны отслужившим срочную. Издали парня вполне можно было принять за красноармейца.

Положив топор, он подошел к оврагу, чтобы посмотреть. Но тут увидел направлявшегося к нему немецкого солдата. Немец без разговоров затолкал Егора в колонну пленных, тыкая стволом карабина то в спину, то в грудь. Сзади послышался отчаянный вопль матери: «Егорушка, родной! Что же теперь будет-то?! Отец, Иван, немец сына уводит!»

Отец выскочил из хаты. Они с матерью бросились вслед уходящей колонне. Падали в ноги немецкому солдату. Обнимали его сапоги. Причитали и умоляли. Потом догнали старшего конвоя и принялись его уговаривать с плачем и слезами: «Пан, – говорили они гитлеровцу, – он ни в чем не виноват. Он не военный. Он только надел форму, потому что из одежды у нас больше ничего нет. Ради Христа, отпустите сына!»

Но тот был неумолим и молча продолжал свой путь. Деревня оставалась позади, а отец с матерью продолжали упрашивать немца. Егор не видел, где они отстали. Он продолжал медленно идти вместе со всеми. А уже ночью, когда пленных разместили на ночлег прямо у дороги, парню, благодаря хорошему знанию местности, удалось благополучно сбежать и вернуться домой.

После его возвращения мать сожгла в печи солдатскую одежду, переодев сына в тряпье. Отец отвел его в лесное укрытие, где уже несколько дней прятал корову. Перед уходом Егор узнал, что в день его пленения, когда колонна скрылась из виду, был застрелен на пороге собственного дома их сосед, отец девяти детей. Просто так, одним выстрелом! И никто не мог понять: чем не понравился немецкому солдату простой русский мужик?

Егор с досадой тогда сказал отцу, что зря в начале войны вернулся домой, решив призываться из родных мест, что ему нужно было оставаться в техникуме. Его документы были в том военкомате. Местный военкомат о нем ничего не знал. Именно поэтому, в свои полные восемнадцать лет, парень был еще не в армии. Отец выслушал сына, но ничего в ответ не сказал. Горя ему и так хватало. Обе дочери давно жили отдельно, связи с ними, из-за войны, не было. О судьбе старшего сына тоже ничего не было известно. Среднего, Егора, едва не угнали фашисты. Еще как-то надо было уберечь младшего...

– Бойцы, подъем! – разбудил солдат громкий голос сержанта. – Пробуждайтесь и получите патроны.

Егор понял, что немного задремал, вспоминая о доме и родных. В проеме он увидел невысокого, довольно пожилого, по его мнению, солдата.

– Готовьте ладоши, товарищи красноармейцы! – пробурчал солдат, стоя боком к Егору.

Он протягивал две винтовочные обоймы с патронами в них.

– А почему только две? Почему только десять патронов?

– Сколько положено, – пробурчал в ответ солдат, – если так сильно стрелять любишь, сам добывай. Вон сколько неиспользованных валяется.

Он кивнул в сторону поля, простилавшегося за бруствером окопа, и протянул две обоймы коренастому.

Пожилой воин исчез в траншее. Следом за ним прошли еще двое, помоложе, которые несли в руках патронный ящик. Одного из них Егор узнал. Это был его односельчанин и друг детства Петр Кондрашин. Они когда-то вместе учились в школе. Вместе работали в колхозе во время летних каникул.

– Петька! – негромко крикнул боец, хотя в этом совсем не было необходимости: Кондрашин сам его уже увидел.

– Здоров, Егор! – сказал он в ответ. – Видишь, во взвод боепитания попал. Сам не знаю как. Просто назначили. Ладно, еще наговоримся. – Он скрылся в коридоре траншеи.

Коренастый посмотрел на товарища.

– В запасном полку с нами был. А тут нас – в пехоту, а его – в боепитание. Как же так? – начал он возмущаться.

– Да ладно тебе, – ответил Егор, укладывая полученные патроны в подсумки.

– Да ладно? Ты просто так это сказал? Да ладно и все? – Коренастый засуетился в окопе. – Мы с тобой в атаку пойдем, а Петя будет ящики с патронами охранять. Да ладно!

Парню нечего было ответить товарищу. Егор не был завистливым. Выкованный в комсомольца за два года учебы в техникуме, он сформировался таким образом, что жил по принципу: «Куда Родина укажет, куда партия пошлет». Ему было действительно все равно, кем и где служить. Главное, чтобы польза была. Этим он стремился руководствоваться в жизни.

Еще во время учебы, вдали от родного дома, ему пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Начинать с того, что кому-то дрова колот, кому-то воду носил, кому-то огород копал. Благодарили по-разному. Кто заплатит деньгами, кто накормит. Он не жаловался. С детства воспитанный в любви к труду, к делу, он прекрасно понимал, что не все способны по достоинству оценить и полноценно наградить. Но если кто нуждался, то он сам был готов прийти на помощь.

– А Кондрашин с твоей деревни? – спросил Егора успокоившийся коренастый.

– Да. Сосед почти. Через дом от нас, – ответил он и добавил: – Родственник по матери.

В проеме появился сам возмутитель спокойствия, держащий в руках пустой патронный ящик.

– Егор, твои как? Я все забываю спросить, – заговорил он, обернувшись в ту сторону траншеи, откуда сам только что пришел, – я по-быстрому, сейчас второму взводу тоже понесем.

– Не знаю. Давно последнее письмо было. Наверное, там же, в Теплом, – ответил ему Щукин.

– Не знаешь, когда в атаку нас поднимут? – быстро спросил Кондрашина коренастый, перебив Егора.

– Не знаю, ребята. Ну, мне пора. Еще свидимся. – Он подмигнул другу и направился вдоль траншеи.

После ухода Петра в окопе повисла тишина, неожиданно прерванная громким голосом здоровяка сержанта.

– Так! Щукин, Козлов. Вас тут только двое. Надо уплотниться! – Он обвел глазами широкий окоп, доставшийся бойцам по наследству от пулеметчиков, и скрылся в траншее.

Через пару минут сержант снова промелькнул в проеме, за ним в окоп вошли два солдата, вынудив Егора и коренастого потесниться. Вошедшие молча сели в свободные земляные ниши. Они не проронили ни слова.

Чтобы хоть как-то разнообразить молчаливое пребывание, коренастый первым задал вошедшим вопрос:

– Парни, патроны получили?

В ответ – ни слова. Новички все также молча сидели в нишах и, почти не моргая, смотрели куда-то под ноги.

Егор с напарником переглянулись, не понимая, почему нет ответа. И тут услышали тихий бас одного из них.

– Позавчера сюда уже пришла до нас маршевая рота. Такая же, как наша. – Он говорил монотонно, не поднимая глаз. – Их всех за два раза поубивали.

Он повернул свое бледное лицо в сторону товарищей. Веки его наполнились слезами. Губы и подбородок задрожали. Зрачки стали широкими. Он тяжело задышал и продолжил говорить своим монотонным тихим басом:

– Два раза их в атаку поднимали. Два раза. И почти всех поубивали. Назад мало кто вернулся. Почти все раненые. А кто сам не мог, тех ночью, когда снегом все присыпало, вытаскивать стали. Многие поморозились. А кто и вообще помер прямо там.

– Видели, сколько на санях рук и ног лежало? – проговорил второй, не поворачиваясь в сторону Щукина и Козлова. – Считайте, что им повезло. Отвоевались.

Друзья побледнели от такого рассказа. Переглянулись между собой.

– Этих бы похоронщиков сюда, – сказал не своим голосом коренастый.

– А они и так все калеченые, – ответил ему второй солдат, – у кого что не гнется, плоскостопие, косоглазие.

Егор почти с омерзением посмотрел на них.

– Вы это откуда взяли, мужики? Кто вам сказал? – спросил он.

Первый так же, тихим монотонным басом, не моргая, ответил:

– В соседней ячейке рассказали. Они сами участвовали. Потом ночью на вылазку ходили. Раненых таскали. Говорят, что мы хоть все с оружием пришли. А у них половина без винтовок была. А там пулеметы немецкие. Потом еще минами добивали, чтобы не высовывались. А до вечера снайпера работали. И до них там тоже народу побито было. Немцы берег Зуши удержать пытаются. Если мы его возьмем, то на Мценск путь откроется.

– Ты-то почему знаешь, полководец? – почти всхлипывая, обратился к рассказчику коренастый.

– Да подожди ты! – перебил его Егор, который сам начинал чувствовать в себе передавшийся от соседей жуткий, гнетущий, непрогоняемый страх.

Его начало знобить. Он попытался что-то еще спросить, но понял, что не в силах внятно произнести хотя бы слово. Он обнял себя руками за плечи и почувствовал, как ударяются друг о друга в ознобе его колени. Такое состояние, такое чувство дикого, животного страха перед смертельной неизвестностью у Егора было впервые в жизни. Самостоятельный с детства, физически крепкий и развитый, он никогда не пасовал перед опасностями на своем коротком жизненном пути. Но сейчас он не мог совладать с собой. Не мог взять себя в руки. Его трясло и знобило. Холод в теле сменялся жаром. Его колотило. Он не мог контролировать свое тело. Лишь когда он встретился взглядом с коренастым, озноб слегка спал. Егор выпрямил спину, плотно сжал зубы, стал успокаиваться.

Чтобы как-то отвлечься, он начал вспоминать свой опыт столкновения с иваньковскими ребятами после своего приезда на учебу в техникум. Тогда он повздорил с одним из местных студентов. Как водится в мальчишеской среде, сразу же была назначена встреча после занятий, на которой Егору предстояло выяснить отношения с задирой на кулаках. Не имея на тот момент поддержки друзей, которыми он еще просто не успел обзавестись, Егор решил, что обязательно придет один. Ему больше ничего не оставалось.

«Будь, что будет!» – твердил он в тот день, понимая, что, скорее всего, все последующие дни будет «зализывать раны».

«Лишь бы не покалечили!» – говорили в деревне, когда шли драться в соседнее селение.

В тот день Егор шел той тропой, на которой должен был встретить своего обидчика. Впереди он никого не видел. А после заметил целую толпу ребят из пятнадцати-двадцати человек. Они дружно, с криками, побежали на него, лишь только он успел скрыться за высокими кустами. Но бежать для Егора означало – быть трусом. Он решительно повернулся назад и вышел навстречу своим «врагам».

Те от неожиданной смелости незнакомого парня остолбенели, замерли на месте как вкопанные. Молча смотрели на Егора, не в силах что-либо сказать. Один против пятнадцати! Такого они не ожидали! Обидчик даже не смог смотреть ему в глаза.

Егор прошел мимо и не спеша проследовал к себе в общежитие. А через некоторое время он был негласно принят в новую компанию и стал близко дружить с тем, с кем еще недавно был готов драться.

Егор почувствовал, как от переживаний, невольно появившихся от общения с новыми соседями по тесному окопу, у него полностью прошел сон. И хотя было уже к полудню, а подъем по боевой тревоге состоялся глубокой ночью и было пройдено примерно двадцать пять километров, ему совсем не хотелось спать. Он просто чувствовал сильную усталость. Плечи все еще ныли, болели ладони, натертые переноской ящика, доверху наполненного винтовочными патронами. Но желание заснуть полностью исчезло.

Егор попытался размять обутые в валенки, натруженные ноги. Он решил перемотать портянки, но понял, что сделать это в условиях тесного окопа у него не получится.

Он обвел присутствующих взглядом, отметив, что все они выглядели абсолютно одинаково. Все четверо: он, коренастый Козлов и два новичка, Кошелев и Минаков, были одеты в солдатские шапки с опущенными «ушами», серые шинели, ватные брюки, полушерстяные гимнастерки, валенки, суконные рукавицы. У каждого за спиной был тощий вещмешок, в котором хранилась пара портянок, солдатский котелок да кружка. На боку у всех висела противогазная сумка. К концу марша каждый хотел первым делом избавиться именно от нее, порядком надоевшей, тяжелой и ненужной.

Егор начал шевелить ступнями ног в валенках. При этом он старался делать так, чтобы не досаждал своим соседям. Украдкой он стал поглядывать на них. Но беспокоить было некого. Все трое были погружены в свои мысли. Никто ни с кем не разговаривал.

Ему вспомнилось, как пару месяцев назад, в декабре прошлого года, отступающие гитлеровцы стали поджигать в их деревне дома, как его семье удалось благополучно выбраться из хаты, у которой уже начинали полыхать чердак и крыша. Тогда с собой удалось взять только то, что попало под руки. Весь скарб, все нажитое имущество было съедено огнем.

Перед глазами пролетели воспоминания о том, как выли от горя деревенские бабы, как плакали дети и проклинали супостата старики.

Отец Егора, опытный, рукастый колхозный плотник, еще до войны раздобыл где-то кровельное железо. Крыша их деревенского дома, как и другие хаты, была покрыта слоем соломы, которую каждый год надо было менять. А тогда они с отцом первыми использовали листы железа для обивки, решив навсегда избавить себя от этой насущной проблемы.

И вот теперь на этом железе, разогретом пламенем, они сушили промокшие валенки, вставая ногами на то, что когда-то было крышей их дома. От жара снег вокруг таял, превращаясь в лужи. Взрослые суетились возле пепелищ, пытаясь найти что-нибудь уцелевшее и вытащить его из развалин. А потом все вместе стояли на горячем железе, пытаясь просушить ноги.

Егор еще раз осмотрел свои валенки, выданные ему, как и всем остальным, перед маршем. Они были совершенно новые, прямо со склада. Месяц, проведенный в запасном полку, он ходил в простых солдатских ботинках на шерстяную портянку, мало спасавшую ноги от зимнего пронизывающего холода. Хлопчатобумажное нательное белье, изрядно поношенная до него, не по размеру форма, тонкая суконная шинель без подкладки. Ежедневная муштра с утра до вечера. Жидкая баланда в солдатской столовой. Физические упражнения, выполняемые из последних сил истощенным, изголодавшимся восемнадцатилетним организмом. Они мечтали о скорейшей отправке на фронт, в действующую армию. Мечтали побыстрее начать бить ненавистного врага. Мечтали о мести за поруганную малую родину, за сожженные родительские хаты, за убитых родственников.

Каждый раз, чувствуя пронизывающий до костей зимний холод, находясь на плацу или в плохо отапливаемой казарме, Егор вспоминал дикий вой одной женщины, их соседки, двое маленьких детей которой насмерть замерзли ночью в лесу, когда гитлеровцы сожгли их деревню. Спасаясь бегством, она усадила детей в плетеный короб, установленный на санки, и везла их так, пытаясь побыстрее добраться до какого-нибудь тепла. Но тридцатиградусный мороз сделал свое губительное дело.

Егора опять начало трясти от холода, больше навеянного грустными воспоминаниями, чем ожиданием предстоящего боя.

– А ну не расслабляться! Что приуныли? Приготовить кружки! – буквально одернул солдат громогласный сержант, неожиданно появившийся в проеме окопа.

Они переглянулись, не понимая, что от них требуется. Взводный вновь появился в проеме и, видя непонимание со стороны подчиненных, еще громче крикнул на них:

– Я вам посплю! Развели тут сопли! – Он злобно посмотрел на Егора. – Расчехлить вещмешки. Достать кружки. Приготовиться к получению водочного довольствия.

Сержант направился дальше по траншее, своим громким голосом приводя в чувства остальных солдат, находящихся в соседних стрелковых ячейках.

Егор стал спешно стягивать с плеч вещмешок, развязывать узел, чтобы извлечь солдатскую кружку.

Они уже слышали во время пребывания в запасном полку о ежедневной выдаче на передовой стограммовой порции водки на каждого бойца. Но в жизни им предстояло столкнуться с этим впервые. И это несколько приободрило ребят, как бодрит все новое.

Егор рос в непьющей семье. Ему не приходилось сталкиваться с тем горем, какое есть в семьях, где кто-то из родственников всецело отдается пагубной привычке. Он спокойно приготовился выполнить очередной приказ, расценивая получение водочного довольствия как обычную часть фронтовой жизни. В то же время коренастый, Кошелев и Минаков заметно оживились и даже стали шутить. Им впервые предстояло пройти через новый ритуал.

– Что-то долго там, – улыбался Козлов.

– А вдруг нам не хватит? – засмеялся Кошелев.

– Как не хватит? Да я им! – острит Минаков.

«Ну наконец-то повеселели!» – подумал про себя Егор.

В проеме появилась крупная фигура здоровяка-сержанта. Он строго взглянул на бойцов. Потом повернулся куда-то в сторону и кому-то невидимому в траншее сказал:

– Тут еще четверо.

Он еще раз посмотрел на четверку солдат и скрылся. Вместо него возник невысокий плотный старшина с небритым цыганским лицом. Его появлению предшествовал нараставший запах спиртного. В руке он держал небольшой деревянный ковшик. Другой рукой старшина подманивал к себе двух красноармейцев лет тридцати – тридцати пяти, явно уже взбодривших себя немалой порцией водки. Они перемещали от одной стрелковой ячейки к другой большой молочный бидон. Когда емкость была поставлена на дно траншеи, а крышка была откинута в сторону, старшина зачерпнул содержимое ковшиком и стал, причмокивая, разливать его по протянутым кружкам.

– Только не дыша и залпом, – сопровождал он раздачу. – Кто откажется, тому я не налью. Только сразу скажите.

Приказа не принимать раздачу не было. Поэтому никто даже не отдернул руки с кружкой. Каждый естественным образом принял налитую прозрачную жидкость.

Егор поднес кружку к губам, не решаясь выпить ее содержимое. В нос проник стойкий неприятный запах. Он отодвинул руку, посмотрел по сторонам, разглядывая товарищей, и, лишь когда понял, что остался последним в окопе, не выпившим своей порции, опрокинул водку в рот. Его скривило, Егор с трудом проглотил жидкость и стал хватать губами воздух.

– Ух! – выпалил коренастый, занюхивая рукавом шинели.

– Хоть что-то приятное за весь день, – промолвил Кошелев.

– Сейчас хорошо станет, – сказал, выпрямляя затекшую спину, Минаков.

Все четверо стали убирать кружки в вещмешки, но Козлов, улыбаясь, остановил всех.

– Стойте! А вдруг там еще осталось? Траншея-то дальше заканчивается. А в бидоне еще больше половины было. Не будут же они выливать. – Его глаза загорелись. Потом он еще шире заулыбался и сказал: – Ну ладно. Шучу, конечно.

Едва бойцы завязали узлы вещмешков, в проеме снова появился сержант.

– Товарищи бойцы! – сказал он, одной ногой переступив низенький порожек окопа. – Будьте готовы. Зарядите по одной обойме. Вот-вот начнется артподготовка. За нами стоят минометчики и артиллеристы с «сорокопятками». Направление атаки нашего взвода – вон те высокие березы впереди.

Он приподнял голову и махнул рукой куда-то в сторону вражеских позиций. Потом этой же рукой вытер лицо. Было видно, что сержант заметно волнуется. Его маленькие глаза постоянно бегали, лицо дергалось. Он снова вытер рукой губы и подбородок, никак не решаясь продолжить постановку боевой задачи. Взглянув на Минакова, потом на Егора, он наконец сказал:

– Минакова, как самого большого из вас, первым поднять на бруствер. Потом Кошелев. Дальше, Минаков и Кошелев принимают свои винтовки и винтовки Щукина и Козлова. А уже после помогают Щукину и Козлову покинуть окоп. – Он внимательно оглядел солдат и спросил: – Всем все понятно?

Все четверо, выпучив глаза, смотрели в лицо сержанта так, что того даже немного смутило. Он еще раз слово в слово повторил указание и дополнил:

– На месте не стоять. Постоянно быть в движении. Вспомните, чему я вас учил в запасном полку.

Солдаты застыли, внимательно слушая сержанта, которому из-за нехватки в войсках командного состава приходилось быть командиром целого взвода. Он выпрямился, намереваясь покинуть тесный окоп, потом нахмурился и выпалил:

– Примкнуть штыки!

Все тут же стали выполнять команду.

Егор закинул за спину вещмешок. Достал из подсумка обойму, открыл затвор винтовки и стал запихивать обойму внутрь. Руки от волнения тряслись и не слушались. От волнения он глубоко дышал. Наконец ему удалось закрыть затвор и примкнуть штык. Он почувствовал, как желудок стал наполняться приятным теплом.

– Водка, кажется, начала действовать, – пробормотал коренастый.

Егор поднял на него глаза и увидел раскрасневшееся лицо парня, с которым жил когда-то на соседней улице, а потом попал служить в один взвод.

– Настроение стало подниматься, – высказал общее мнение красноармеец Минаков, разглядывая ребят. – Теперь поняли, почему нас сегодня не кормили?

– Что уж тут непонятного, – ответил Кошелев. – Водка на голодный желудок, да еще после ночного марша, намного лучше действует. А еще если в живот ранение, тогда вообще все понятно.

Это Егор знал еще задолго до начала войны. В их деревне жил мужик, которого деревенские жители всех возрастов называли «дядя Андриан». Потерявший ногу на войне еще в далеком девятьсот четырнадцатом году, он, обладая даром хорошего рассказчика, доходчиво рассказывал пацанам об особенностях фронтовой жизни. От него сельские мальчишки узнавали о мелочах, существенно облегчавших окопную жизнь простым солдатам.

Егор снова сел в свою нишу и стал ладонью поглаживать холодное цевье винтовки. Он пытался представить себе будущую атаку и то, как он будет стрелять по гитлеровцам. Стал собирать внутри себя такую необходимую перед боем ненависть, настраиваясь и сосредоточиваясь.

Его мысли вдруг прервал глухой залп стоящих где-то за ближайшим лесом минометов. Спустя несколько секунд слух разрезал орудейный залп.

Егор высунулся из окопа, пытаясь посмотреть за бруствер, но его тут же одернул и затащил назад один из солдат. Вслед за первым залпом раздался второй, потом третий и четвертый. Наконец, где-то в стороне немецких траншей, стали раздаваться резкие хлопки взрывов.

Из соседней ячейки послышались одобрительные солдатские возгласы, сопровождавшиеся крепкими выражениями.

– Чего сидим?! Приготовились! – орал в проеме окопа сержант, держа в руках автомат.

Глаза его налились кровью. Ноздри раздувались. Лицо выглядело одновременно злым и растерянным. Несколько секунд он смотрел поочередно на всех четверых, потом резко скрылся в траншее. Спустя полминуты он появился вновь. Но говорил при этом уже спокойнее:

– Если надо кому оправиться, по малой нужде оправляйтесь прямо здесь. Если кому по большому надо, то тут негде. Делайте свои дела на малой саперной лопате и выбрасывайте всё за бруствер. Лопату о снег вытирайте.

Сержант снова скрылся в коридоре траншеи.

Солдаты переглянулись, не ожидая услышать такое от своего командира. Но при этом с пониманием оценили его советы как опытного фронтовика.

– Одиннадцать! – вслух произнес коренастый.

– Ты чего? – неожиданно для себя дрожащим голосом спросил Егор.

– Залпы считаю! – громко ответил тот, поворачивая голову так, будто объясняет не только одному Щукину, но и остальным.

Сержант снова появился в их окопе. Его глаза стали еще более кровавыми, взгляд злее и одновременно взволнованнее. Он тряс кулаком, громко рыча:

– Если кто мне, то я того лично пристрелю! Вам ясно, мужики?! Думайте сами! – Он обвел глазами солдат. – Либо от моей руки позорная смерть, либо там – геройская.

Прокричав это, сержант уже спокойно, как раньше, покинул проем.

Егор медленно выдохнул. Он почувствовал, как перестает ощущать свое тело. Только ноги наливались тяжестью, не желая слушаться. Он все же нашел в себе силы повернуться к соседям по окопу, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Все. Закончилось. Больше не стреляют, – сообщил коренастый.

В проеме вновь появился сержант, застегивающий под подбородком ремешок стальной каски. Он заметил на себе взгляд Егора:

– Что, Щукин, уже обосрался?

– Никак нет, товарищ сержант! Я в порядке, – ответил Егор, пытаясь сдержать появившуюся вдруг улыбку.

– Тогда что так смотришь?

– Разрешите обратиться, товарищ сержант! – бойко выпалил боец.

– Валяй! – ответил тот, вытягивая шею, чтобы увидеть пространство за бруствером.

– Вы нас ротному представили. А те двое, что выступали перед нами, кто были?

К его удивлению, сержант спокойно отреагировал и так же спокойно ответил, глядя за бруствер:

– Что пониже ростом, тот – комбат. А другой – комиссар батальона.

– Как комбат? – Щукин сделал удивленное лицо. – Он ведь только лейтенант!

Взводный посмотрел на солдата и снова перевел взгляд в сторону вражеских позиций.

– Ну и что. Я только сержант, а взводом команду, – коротко объяснил он.

Впереди перестали грохотать взрывы. Наступила зловещая короткая тишина, прерванная чьим-то далеким криком. Сразу за ним сержант резко стал толкать Минакова и Кошелева, сидевших ближе к проему.

– Вперед, вперед! – заорал он. – Вперед, в атаку! Что сидим?! Встали! Вперед! Расстреляю!

Но крик не действовал. Все четверо медленно встали со своих мест. Сержант исчез в коридорах траншеи, чтобы поднять в атаку других бойцов.

Егор повернулся к Кошелеву, взгляд того был направлен куда-то вверх.

– Ну, давайте, – медленно и тихо сказал он Егору и коренастому.

Бойцы положили на бруствер свои винтовки и присели, подставляя колени и ладони в качестве ступеней для более крупных Кошелева и Минакова. Те нехотя перебрались наверх, потом повернулись в сторону окопа и помогли выбраться товарищам.

Егор, быстро взобравшись наверх, поднял с земли свою винтовку. Рядом выбирались из укрытий и помогли выбраться остальным другие бойцы.

Глава 2

Его тут же охватило неловкое чувство легкой растерянности. Он потерял ориентир и смотрел куда-то, явно не в направлении предстоящей атаки. Он завертел головой и наконец сообразил, что смотрит в противоположную от немецких позиций сторону. Ему стало неловко. Он быстро повернулся куда надо и стал искать взглядом тех, кто мог заметить его оплошность.

Однако остальным было не до него. Поле оживало. Сотни солдат выпрыгивали из траншей и стрелковых ячеек и делали первые неуверенные шаги в сторону вражеских позиций.

Слышалось негромкое ворчание, кашель, клацанье винтовочных затворов. Кто-то сплевывал себе под ноги, матерясь сквозь зубы. Кто-то часто дышал, с волнением и растерянностью разглядывая поле перед траншеями, с тревогой вглядываясь туда, где оно уходило в глубокий и широкий овраг.

Егор вертел головой по сторонам. Он сделал несколько маленьких шагов вслед за своими товарищами и остановился, пытаясь понять, что будет дальше.

Много раз он представлял себе, как будет выглядеть атака пехотинцев, в которой ему предстоит участвовать. Ему грезилось, как он будет бежать, не чувствуя усталости, куда-то вперед. Где-то в стороне, перед солдатами, будет бежать их командир, размахивая пистолетом в руке. Вся линия в один голос громогласно грянет ужасающее противника «ура». Егор видел в своих фантазиях, как будет крепко держать в руках свою винтовку, направляя вперед ее штык, как быстрым и коротким ударом будет вгонять сверкающий на солнце клинок в серую, мышиного цвета, немецкую шинель.

Он много раз пытался представить себе предсмертный взгляд немецкого солдата, каждый раз видя на его месте того самого гитлеровца, который когда-то гнал его в колонну пленных красноармейцев, больно тыкая стволом карабина в грудь и в спину.

Многokrатно прогоняя где-то в глубине своего сознания мысли о предстоящей атаке, Егор ни разу не представлял себе ее начало. Сейчас его смущала и вводила в состояние растерянности окружающая суматоха. Солдаты суегились. Никаких команд не было. Где-то по сторонам кричали и матерились командиры отделений и взводов. Кто-то, в сотне метров от него, сделал два выстрела из нагана, видимо, в воздух.

Егор стал смотреть то вправо, то влево, пытаясь понять, что же будет дальше. Неожиданно он почувствовал сильный толчок в спину, едва не сбивший его с ног. Он невольно сделал несколько быстрых шагов вперед, едва не упав на землю. Обернувшись, увидел своего взводного, который поочередно подталкивал в спину то одного, то другого солдата. Сержант почти бегом двигался вдоль траншеи и орал на ходу, пытаясь расшевелить подчиненных:

– Что стоим?! Вперед, вперед! Не стоять! Сдохнуть здесь хотите?! А ну, вперед, вперед!

Он орал не своим голосом, но солдаты почти не двигались. Лишь некоторые робко сделали по несколько шагов и остановились, не желая отрываться от остальных, сохраняя инстинктивное чувство локтя. Убежавшие было вперед нерешительно оглядывались. В воздухе повисло ощущение непонимания и страха. Солдаты либо втягивали худые шеи в плечи, либо, наоборот, вытягивали их, пытаясь сориентироваться в общей суматохе.

Наконец вперед выбежал командир роты, высокий и стройный младший лейтенант Кочергин. Он повернулся лицом к роте и, двигаясь спиной вперед, стал размахивать руками, в одной из которых держал наган. Солдаты, глядя на него, дружно двинулись в сторону немецких укреплений. Через несколько шагов они, увлекаемые своим командиром, перешли на бег.

Метров пятьдесят бойцы пробежали, оглядываясь друг на друга. Потом стали выравниваться в цепь.

Егор старался не отставать, держал общий темп и скорость. Он заметил, как тяжело было переставлять усталые за время марша ноги. Все тело ныло. Короткого отдыха, продолжитель-

ностью не более полутора часов, было явно недостаточно для восстановления сил. Не очень помогла и порция водки, согревшая желудок, немного поднявшая настроение, внушившая сознанию солдата ощущение храбрости и уверенности в себе.

– Ну хоть бы ночку отдохнуть дали, – простонал коренастый, которого Егор увидел слева от себя.

– А я думал, что все атаки только утром начинаются, – проговорил, задыхаясь, бегущий справа красноармеец Минаков.

– Вперед! Не стоим! Двигаемся, двигаемся! – орал на солдат сержант, подгоняя взводную цепь.

Егор еще в запасном полку старался быть хорошим солдатом. Он с детства был приучен отцом в любом деле добиваться высоких результатов, заставляя себя делать все хорошо и доброту. Даже самую тяжелую работу в колхозе, самый нелюбимый предмет в школе или в техникуме Егор заставлял себя полюбить. И потом замечал, что даже очень нежелательное дело заканчивалось самым неожиданным результатом. Именно так он добивался успеваемости во всем.

Попав в армию, благодаря выработанным чертам характера и привычке к самодисциплине он легко вписался в существующий порядок. Даже самые ненавистные занятия на морозе, когда холод пронизывал истощенные недоеданием и недосыпанием молодые тела, он переносил гораздо легче, чем другие. При этом страдая ничуть не меньше. Но он никогда не проклинал армейский порядок, как другие. Утешал себя еще и тем, что лучше не станет до тех пор, пока враг не будет разбит.

Даже получая в столовой ничтожную порцию жидкой похлебки, он не давал воли чувствам, прекрасно понимая, что по-другому не будет. Неоткуда взяться на солдатском столе сытных продуктов в достаточном количестве. И когда другие роптали, что кто-то в тылу жирует за их счет, Егор старался не замечать этих слов, зная наперед, что ничего от этого ропота не изменится. Нужно терпеть и стараться держаться, ждать отправки на фронт, где, по словам бывалых солдат, с питанием дело обстоит несколько лучше.

Но стремительно бегущее время, постоянное недоедание и тяжелые нагрузки губительно действовали на когда-то крепкий восемнадцатилетний организм. Егор постепенно становился в солдатском быте таким же капризным, как и другие его товарищи. Все больше и больше он походил на остальных. Где можно было увильнуть – он увильнул, где выскользнуть – он выскользнул, где незаметно вздремнуть – он дремал. Но окончательно сравняться с остальными он так и не сумел. Во-первых, повышенная комсомольская сознательность, выкованная задолго до начала службы. Во-вторых, наконец-то отправка в действующую армию, которую так ждали большинство солдат в запасном полку.

– Вперед! Застрелю того, кто струсит! Ускориться! Что плететесь?! Ждете, когда немец встретит вас пулеметами?! Вперед! – где-то в стороне не унимался здоровяк-сержант, подгоняя солдат своего взвода.

Егор перестал чувствовать усталость. Вернее, его организм свыкся с ней, приспособился. Он выровнял дыхание, выставил вперед штык винтовки, старался держаться в общей линии атакующих.

Наконец солдатская цепь стала приближаться к заснеженным бугоркам из тел погибших в предыдущих атаках несколькими днями ранее. Каждый боец видел перед собой занесенные снегом тела мертвецов в серых суконных шинелях и ватниках, лежащих так, как их застала смерть в бою. Глаза солдат больше не смотрели куда-то в даль, где не каждый еще мог разглядеть начинающуюся линию обороны противника. Чем больше простиралось поле, тем чаще виднелись на нем бесформенные снежные шапки, покрывавшие бездыханные, окаменевшие на морозе трупы.

Цепь стала сбавлять темп, норовя остановиться. Где-то в стороне Егор услышал причитания одного из солдат:

– Господи, Господи!

Рядом, опустив винтовку на землю, остановился Минаков.

– Вперед! Иначе сдохнете здесь! – неистовым криком подгонял подчиненных сержант.

Понимая потерю темпа атаки, командир роты младший лейтенант Кочергин выбежал вперед, так, чтобы его видели все солдаты. Он поднял высоко вверх правую руку, сжимавшую наган, и что было сил закричал:

– За Р-р-родину-у! За С-сталина-а-а! Впер-р-ре-ед! За мно-о-ой! Ур-р-ра-а-а-а!

Он заметно ускорил шаг, своим поведением и звонким, пронзительным криком воодушевляя и увлекая за собой роту.

Где-то левее, другой ротный тоже кричал, ускоряя темп атаки.

– Ура-а-а-а! – прокатилось над полем.

– Ура-а-а-а! – подхватили боевой клич пехотинцы.

– Ура-а-а-а! – вырвалось из груди Егора, который тут же почувствовал воодушевление от самой атаки.

– Ура-а-а-а! – услышал он бас бегущего рядом коренастого красноармейца Козлова.

– А-а-а-а-а! – кричал кто-то рядом.

Егор увидел, как перепрыгивает младший лейтенант через мертвые, давно окоченевшие на морозе тела, и перевел взгляд под ноги, стараясь не запнуться. Он вдруг отчетливо понял, что наличие лежащих на земле тел говорит о приближении к линии траншей противника. Егор поднял глаза и отчетливо увидел чернеющие впереди, в проемах заснеженных земляных куч, железные остовы вражеских пулеметов, поверх которых зловеще возвышались каски пулеметчиков.

– Ура-а-а! – все так же звучало в ушах.

Егор запнулся обо что-то в настиле свежевывающего снега. Едва он выровнял шаг, как впереди грянул оглушающий треск пулеметной стрельбы. В нескольких метрах перед собой он увидел стремительно взметнувшиеся земляные вулканчики, не сразу поняв, что это были комья мерзлой земли, вырванные из-под снега пулеметной струей.

Он продолжал бежать и кричать, когда через несколько секунд новая свинцовая струя, сопровождаемая грохотом вражеского пулемета, стала сбивать с ног его товарищей, навсегда прибивая их к земле.

Слева неожиданно глухо вскрикнул и опрокинулся на спину коренастый красноармеец Козлов. Едва Егор успел это заметить, как что-то сильное ударило его по боку, неестественно сорвав с пояса противогазную сумку. Он упал на бок, но быстро поднялся, перехватив винтовку. Он успел сделать всего один шаг, как был повален чьим-то телом, навалившимся на него и прижавшим к земле.

Егор, упершись руками в винтовку, столкнул с себя это тело. Оно безжизненно распласталось рядом, уставившись широко открытыми глазами в покрытое густыми облаками серое февральское небо.

Он попытался встать, еще до конца не понимая происходящего. Не понимая того, что рядом уже в полную силу носится над полем смерть, щедро осыпая пулеметными очередями солдатскую массу, еще минуту назад бодро бежавшую ей навстречу.

Едва поднявшись, Егор почувствовал резкий удар по лицу комьями земли. Справа брызнул фонтанчик, сильно дернулось лежащее тело одного из бойцов его взвода. Что-то резко рвануло суконную ткань складки шинели на плече, от чего правую руку отбросило назад, и она выпустила винтовку. Слева прямо перед Егором упал на бок еще кто-то, на которого он упал, споткнувшись валенком о скрытое снегом препятствие.

– Не вставай, Шукин! – услышал он где-то позади и, обернувшись, увидел метрах в восьми от себя лежащего на снегу сержанта, левая рука которого безжизненно вытянулась вдоль тела, оставляя на белой пелене снега сочный кровавый отпечаток.

Егор смотрел на него, лежа не земле, отгороженный от вражеского пулеметчика спиной только что убитого товарища.

– Лежи, Шукин, не вставай! – хрипло кричал ему сержант, кривя лицо от боли.

Он попытался подтянуть руку к себе, поворачиваясь на бок, но тут же сильно дернулся, неестественно согнувшись. А возле него взметнулись к небу фонтанчики комьев земли, вырванные из грунта горячими пулеметными струями.

Егор потянул к себе винтовку, возле него также брызнули всплески мерзлого чернозема. А сзади кто-то громко и резко вскрикнул.

Воздух над полем сотрясался грохотом десятка немецких пулеметов. Пороховая дымка, сопровождаемая тянущимся едким запахом горелого пороха, стелилась на десятки метров в сторону от вражеских позиций. Между заснеженными холмиками мертвых солдатских тел появлялись новые, еще не покрытые снегом. Люди в серых суконных шинелях метались вокруг, ища спасение в самых ничтожных укрытиях, которыми порой служили те самые, уже покрытые утренним снегом, трупные холмики.

Егору пришлось залечь в спасительном для себя месте, за телом только что погибшего бойца, спина которого стала естественным укрытием от пулеметного дождя. Слева его скрывал от прицела немецкого стрелка труп павшего в бою накануне. За ним уже лежало и еще вздрагивало в предсмертных конвульсиях тело солдата из соседнего взвода.левой ногой Егор упирался в еще один окоченевший заснеженный холм, образовавшийся сложенным в неестественной позе человеческим телом. Справа его прикрыли сразу два мертвых товарища, только что срезанных пулеметной очередью. Еще чуть правее на бойца смотрело пустыми глазницами, обработанными вездесущим лесным вороньем, белое мертвое лицо погибшего несколькими днями ранее солдата, подбородок которого упирался в воротник новой, совсем еще не ношенной гимнастерки, сиявшей алыми пехотными петлицами.

Егор невольно остановил взгляд на белом мертвом лице с пустыми глазницами. А через секунду его начало трясти от ощущения безысходности, от понимания того, что и он будет так же безмолвно лежать на этом поле, в десяти километрах от родной деревни. А его темно-синие глаза будут выклеваны лесными воронами.

Он нервно заерзал на земле, стал вертеть головой, отыскивая спасение. Но рядом, насколько он мог охватить взглядом, уже никто не бежал, не прыгал. Сквозь грохот вражеских пулеметов слух различал истошные крики раненых и умирающих людей.

То и дело то справа, то слева раздавалось выворачивающее человеческую душу: «Помогите!» Кто-то громко, надрывно и жалобно стонал:

– Санитар, санитар!

– Как же больно, мама! – доносилось с другой стороны.

– А-а-а-а! – не переставая, орал от непереносимой боли еще один умирающий.

Пулеметы смолкли, как по команде. Но буквально через секунду где-то в стороне пара из них заработала снова, надрывая барабанные перепонки. Потом все стихло, и только стоны раненых разносились над полем.

– Ма-ма-а! – выл кто-то рядом с Егором, невидимый ему из-за груды прижатых к земле тел.

– Где танки, где артиллерия? – негромко кричал где-то сзади лежащий на промерзлой земле солдат, перемежая вопросы краткими матерными скороговорками. – Нас должны были поддерживать танками! Где они? Почему так? Почему во весь рост на пулеметы?

– Ма-ма-а! – снова послышалось завывание тяжелораненого. – Как же больно-о! Ма-ма-а!

– Санитар, санитар! – громко и жалобно звал другой.

Где-то в стороне раздался хлопок одиночного выстрела. «Из немецкой винтовки», – тут же на слух определил Егор. За ним ударил второй. Потом сразу загрохотал пулемет и, сделав несколько коротких очередей, смолк. И снова над полем стали разноситься сводившие с ума своей беспомощностью отчаянные стоны раненых и умирающих людей.

– Снайпера работают, – заключил кто-то, видимо не далеко лежащий от Егора, – не угомонятся, пока не стемнеет.

– Ма-ма-а! – перебил его прежний человеческий вой.

– Братцы! – громко закричал тот, кто засек гитлеровских снайперов. – Не шевелитесь никто. Как стемнеет, отползем спокойненько.

Но едва эта мысль дошла до лежащих на снегу людей, кто-то один не выдержал, дал волю нервам и, вскочив, побежал в сторону своей траншеи, надеясь найти там спасение. Егор только успел повернуться на звук, как из немецкого окопа ударил скорострельный вражеский пулемет, вздымая с заснеженной и пропитанной кровью земли фонтанчики мерзлого грунта. Егор оказался на одной линии с убежавшим от смерти и в итоге нашедшим ее солдатом и стрелком-пулеметчиком, выпустившим в его сторону несколько десятков пуль.

Некоторые из них врезались в землю совсем рядом, возле правой ноги Егора. Он даже не успел среагировать – острая, пронзающая боль передернула все его тело.

Егор хрипло вскрикнул, вскинул вверх голову и громко простонал. Потом он уткнулся лицом в снег и крепко сжал от нестерпимой боли зубы. Все его тело затрясло. Он почувствовал, как вся кожа под одеждой становилась мокрой от пота. Дыхание участилось. Он медленно стал поворачивать лицо в сторону раненой ноги.

Правая пола шинели была отброшена в сторону. Штанина ватных брюк вспорота. Валенки чуть сполз. Егор почувствовал, как чем-то влажным начинает пропитываться внутренняя сторона бедра и колено.

– Бегун хренов! Лежал бы себе спокойно, темноты дожидался! – нервно проговорил он хриплым голосом и тихо простонал.

Острая ноющая боль разошлась по всему телу. Он закрыл глаза и сжал от нетерпения зубы. Лицом уткнулся в снег. До него больше не доносились крики и стоны сраженных пулями товарищей. Тело медленно трясло в конвульсиях, его дергала неунимающаяся острая и пронизывающая до головного мозга боль.

Егор еще раз медленно повернул голову в сторону своей истекающей кровью ноги. Он ожидал увидеть что-то невообразимо страшное. Но взору предстала лишь прежняя картина: откинутая пола суконной шинели, вспоротая ткань ватных брюк и голенище валенка. Крови он не увидел. Все, что вытекало из предполагаемой раны, скапливалось в ватной начинке штанов, просачивалось через нее и уходило в слой примятого ногой снега.

Прижатый к земле, скрытый спасительными мертвыми солдатскими телами, Егор стал приспосабливаться. Лишь через несколько минут он догадался проверить, цела ли нога, и попытаться пошевелить ею. Он начал подтягивать бедро под себя, но обострившаяся боль не давала ему проделать это движение. Он снова хрипло застонал. Потом взял себя в руки и сделал попытку пошевелить ступней, это тоже закончилось дикой, пронзительной болью.

Он понял, что находится в очень незавидном и тяжелом положении. Ему стало невероятно жалко себя. Мозг наполнился мыслями про полное невезение. Из глаз медленно потекли слезы.

Перед ним открылась картина последних лет его жизни, наполненных постоянными ссорами отца с матерью, из-за чего отчий дом покинули старший брат и две сестры. А сам он, после красивых разговоров и хвалебных речей о своих успехах в учебе, произнесенных одним дальним родственником, поддался навязанному желанию уехать на учебу далеко от родного дома. Ему вспомнились голодные дни в студенческом общежитии, когда нужно было корпеть над учебником под урчание пустого желудка, и удары капель дождя о подоконник; когда после

бессонной ночи, проведенной на железнодорожной станции, где были разгружены несколько вагонов, он устало брел на занятия, думая только о том, как страшно хочется есть и спать. А у здания техникума стояли студенты из местных ребят, выспавшиеся и сытые, занятые разговорами о футболе и кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.